

Использования Россией военной силы в качестве внешнеполитического инструмента: есть ли логика?

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 443
Октябрь 2016 г.

Самуэль Чарап¹
Международный институт стратегических исследований

Начиная с вторжения в Крым в феврале 2014 года, Россия использует свои вооруженные силы за рубежом с беспрецедентной частотой. В зависимости от того, что считать использованием военной силы, после Крыма таких случаев было уже до пяти, в том числе:

- Поддержка сепаратистов на Донбассе начиная с марта 2014 г.
- Прямое военное вмешательство, кульминацией которого стала операция под Иловайском в конце августа 2014 г.
- Военное вмешательство, которое окончилось захватом сепаратистами Дебальцево в январе-феврале 2015 г.
- Военное вмешательство в Сирии начиная с сентября 2015 г.
- Провокационные и рискованные маневры российских военных самолетов и кораблей поблизости от кораблей и самолетов НАТО, а также других западных стран.

Такое поведение не может не вызывать опасений возрождения российского милитаризма – особенно после начала военного вмешательства РФ в Сирии, которое стало первой полномасштабной военной операцией за пределами постсоветского пространства со времен Афганистана. При тщательном анализе обнаруживается множество параллелей между всеми эпизодами применения вооруженных сил за пределами России, имевшими место с 2014 года. Такие параллели указывают на сходный образ действий или даже логику в решениях российского руководства. С учетом нынешней международной ситуации вполне вероятно, что нас ожидают новые подобные эпизоды.

¹ [Samuel Charap](#) – старший научный сотрудник и директор программы российских и евразийских

Понуждение и процессы силового убеждения

Во всех случаях применения силы Российской Федерацией с 2014 года имеется один фундаментальный общий момент: Москва использовала свои вооруженные силы для достижения определенных политических целей. Тактические военные задачи определялись стратегическими задачами в сфере политики; иными словами, Москва не преследовала чисто военных целей. Поэтому применение Россией военной силы логичнее всего рассматривать в качестве инструмента принуждения. Как писал в 1966 году Томас Шеллинг в своей классической работе «Оружие и влияние» (*Arms and Influence*, 2008, с. 5): «Разница между принуждением и применением грубой силой часто заключается не столько в инструментах, сколько в намерениях. Резня индейцев племени Команчи с целью их полного истребления – это пример грубой силы. А вот разорение их поселений с целью заставить индейцев подчиниться – это пример силового убеждения, основанной на способности причинить оппоненту серьезный ущерб».

По предложенной Шеллингом классификации, есть два вида принуждения: оборонительное сдерживание, с целью предотвращения определенных действий со стороны оппонента, либо наступательное сдерживание или понуждение: применение силы или угроза применения силы чтобы заставить оппонента принять конкретные шаги. Как отмечает Шеллинг, понуждение подразумевает «действия, заставляющие оппонента отойти с занятых позиций, смириться с требованиями или даже пойти на активное сотрудничество, чтобы избежать дальнейшего ущерба от действий противника. При этом само по себе силовое давление зачастую не способно достичь поставленных целей, однако оно оказываются достаточно болезненными для оппонента, чтобы заставить его пойти на уступки» (с. 79).

Применение Россией военной силы явно представляло собой акты понуждения. К примеру, серьезное поражение, нанесенное украинской армии под Иловайском, не привело к ее полному разгрому – однако оно продемонстрировало, что Москва готова причинить Киеву серьезный и болезненный ущерб, и Киев в результате был вынужден изменить свое поведение (по крайней мере, на какое-то время). Россия стремилась не только заставить украинскую армию отступить, но и силой усадить президента Украины Петра Порошенко за стол переговоров, что окончилось подписанием первых минских соглашений. Вот что по этому поводу [говорил](#) бывший посол РФ в Соединенных Штатах Владимир Лукин, который участвовал в украинских переговорах с 2014 года: «Забудь про ДНР и ЛНР. Задача [контрнаступления в августе 2014 г.] состоит в том, чтобы объяснить Порошенко, что он не может победить. Никогда. Войска, считай, не вводили. Но введут ровно столько сколько нужно, чтоб Порошенко это понял и сел за стол переговоров с теми, с кем Путин решит».

В этой связи, военный компонент российской политики следует рассматривать лишь как один из элементов более широкого процесса силового убеждения, направленного на достижение политических целей. Как писал Шеллинг, «подобный конфликт... является по сути своей торгом, в ходе которого применяются угрозы, требования, предложения и встречные предложения. Стороны предоставляют друг другу заверения, осуществляют всевозможные

размены, идут на определенные уступки, посылают сигналы о своих намерениях и красных линиях, зарабатывают себе определенную репутацию и преподают друг другу уроки» (с. 135).

В подобных конфликтах невозможно провести четкую грань между войной и переговорным процессом. В этом контексте шесть рассматриваемых случаев использования Россией военной силы за рубежом являются частью трех отдельных процессов силового убеждения. Все случаи применения силы против Украины являются элементами начавшейся летом 2013 года российской кампании по блокированию интеграции Украины в западные структуры. Военное вмешательство России в Сирии является частью международных торгов, спровоцированных сирийской гражданской войной, начавшейся в 2011 году. А рискованные маневры поблизости от кораблей и самолетов НАТО, видимо, связаны с многолетними попытками России предотвратить или обратить вспять наращивание военной активности стран НАТО – особенно США – около собственных границ.²

Общие черты

Все три процесса силового убеждения имеют много общего. Во-первых – и это самое главное, – во всех трех случаях применение силы последовало только после того, как потерпели неудачу другие, ненасильственные, методы. Иными словами, военная сила была последним доводом, пущенным в ход, когда все остальные не сработали. Россия сперва пытается добиться своего с помощью дипломатии, экономического давления, угроз, и т.д. – и только после того, как все эти инструменты оказываются неэффективными, она прибегает к военным инструментам. За шестимесячный период, предшествовавший вторжению в Крым, Москва сперва угрожала Украине экономическими последствиями, а затем и на деле ввела экономические санкции (июль-сентябрь 2013 г.); предложила Украине огромный пакет экономической помощи стоимостью в 15 миллиардов долларов (декабрь 2013 г.); и вела активные переговоры с Западом (соглашение, достигнутое 21 февраля 2014 г.), прежде чем применить свои вооруженные силы. В случае с Сирией, Москва тоже предпринимала активные и широкие дипломатические усилия, поставляла оружие Сирийскому правительству, и даже пыталась организовать оппозицию, прежде чем прийти к выводу о том, что единственный способ добиться урегулирования на своих условиях – это использовать свои вооруженные силы для изменения силового баланса. Из всего этого можно сделать важный вывод: когда у Москвы не выходит добиться своего, эта неудача является предвестником возможного применения силы с ее стороны.

² Шеллинг называет демонстративно рискованные и провокационные шаги, которые намерено приводят ситуацию к грани войны (brinkmanship), формой понуждения, осуществляемого путем «манипуляций на общем риске войны». «Это может быть введение мероприятия, которое может выйти из-под контроля, а также запуск процессов, которые влекут за собой риск непреднамеренной катастрофы. Риск в такой стратегии является преднамеренным, а не катастрофа.» Подобный риск «эксплуатируется, [чтобы] запугать оппонента» (с. 99, 91, 102).

Однако у Москвы довольно часто не выходит добиться своего – а на военное вмешательство она пошла только в тех случаях, когда ставки ей представлялись особенно высокими в сравнении с другими региональными или глобальными кризисами. В Кремле считают, что, если бы ситуация в Сирии и особенно в Украине (а также в конфронтации с НАТО) стала развиваться по наихудшему сценарию, это нанесло бы очень серьезный удар по российской национальной безопасности. Таким образом, все три процесса силового убеждения, которые достигли порога применения военной силы, были связаны с серьезными опасениями по поводу национальной безопасности или безопасности правящего в России режима. Кроме того, целью Москвы было предотвратить или обратить вспять понесенные (как ей представляется) геополитические потери, а не сделать какие-то геополитические приобретения. Россия стремилась *вернуть* Украину в свою сферу влияния после того как Майдан её оттуда вырвал. Она пыталась *предотвратить* свержение сирийского режима повстанцами. Она желала *заблокировать* развертывание сил НАТО там, где прежде таких сил не было. Россия пока еще ни разу не прибегла к использованию военной силы для распространения своего влияния на территории, где раньше она влияния не имела, или для резкого изменения в свою пользу уже сложившегося баланса.

Собственно военные операции в трех упомянутых процессах силового убеждения также имеют свои важные особенности. Москва использует ровно столько сил, сколько необходимо для решения политического вопроса, не более. Например, в конце августа 2014 года к интервенции пришлось прибегнуть только когда стало ясно, что стратегия использования прокси-сил сепаратистов находится на грани катастрофы. Однако сама интервенция была очень ограниченной, никакие высокотехнологичные системы вооружений не были использованы и основная часть армейских сил, сосредоточенных у границы с Украиной, так эту границу и не пересекли. Как только Украина согласилась на Минск-1, регулярные подразделения российской армии ее покинули. Шеллинг отмечает, что ограниченное использование силы является характерной чертой стратегии принуждения: «Принудительные военные действия могут вестись отдельными, точно отмеренными дозами; в случае с использованием грубой военной силы это не характерно» (с. 172). По мнению автора, на то существуют три основных причины. Во-первых, само насилие в рамках концепции принуждения силой нужно только для обозначения возможных последствий: «эффективность принуждения зависит в большей степени от масштаба нависшей угрозы, чем от уже нанесенного ущерба. Логика дипломатии в большей степени определяет действия, чем логика сражения. И хотя логика дипломатии не всегда обязательно означает осторожность при принятии решений, она требует наличия впечатляющего запаса возможности нанесения ущерба в будущем». Во-вторых, стремительное применение подавляющей военной силы может быть нужно для достижения военных целей, но совсем не обязательно для достижения целей политических. В конце концов задача войны с целью принуждения - заставить противника «вести себя как надо», а не уничтожить его (с. 173).

Следует также принять во внимание, что во всех рассматриваемых случаях Россия настаивала на соответствии своих действий международным нормам. В Крыму она

ссылаясь на соглашение о базировании на полуострове Черноморского флота, а также на принцип самоопределения. На Донбассе российское руководство отрицает сам факт своего военного вмешательства. В случае Сирии, Кремль регулярно напоминает, что его войска там находятся по приглашению Асада. Эти доводы служат двум целям. Во-первых, они обеспечивают некое подобие международно-правовой «легитимности», которая позволяет России укреплять свою репутацию ответственной мировой державы. А во-вторых, они подчеркивают приверженность Кремля своей собственной трактовке международного порядка, при которой пяти постоянным членам Совбеза ООН позволено при необходимости обходить международные правила – однако на словах они должны их всегда тщательно придерживаться. По этой логике, действия России не являются ревизионистскими. Ревизионизм по этим представлениям — это не только нарушение правил, но и бравирование этим нарушением.

Необходимо отметить, что вооруженное понуждение может привести к прямо противоположным результатам. Силовое давление иногда приводит не к повиновению, а к сопротивлению. В качестве примера Шеллинг приводит американские бомбардировки Северного Вьетнама, которые так и не заставили его прекратить оказание поддержки силам Вьетконга. В Украине и Сирии использование силы было намного успешней в плане принуждения к переговорам Запада, чем противостоящих сторон на земле. Даже в случае значительной эскалации конфликта в Украине маловероятно, что Москва сможет обеспечить необходимый уровень поддержки урегулирования на российских условиях среди самих украинцев. Аналогичным образом, российские бомбардировки в Сирии успешно вынудили госсекретаря США Джона Керри неоднократно летать в Москву и Женеву на переговоры, однако сама сирийская оппозиция оказалась гораздо более устойчивой к попыткам силового принуждения.

Выводы

Данный анализ приводит нас к двум важным выводам – одному обнадеживающему, а другому тревожному. С одной стороны, выраженная модель поведения демонстрирует наличие общей логики в действиях России. По этой логике, количество возможных потенциальных сценариев, которые могут привести к новым интервенциям, невеликое.³ Такие сценарии требуют, чтобы ставки были для России достаточно высоки; при этом Москва должна стремиться предотвратить развитие событий, которое она воспринимает как сдачу своих геополитических позиций. За пределами «ближнего зарубежья» России потенциальные сценарии, удовлетворяющие этим критериям, в данный момент не просматриваются. Однако они вполне могут возникнуть в будущем в рамках нового регионального кризиса на Ближнем Востоке или в Восточной Европе. В любом случае, до того, как будет применена сила мы еще увидим несколько попыток Москвы добиться своего другими методами и средствами. Превентивная дипломатия должна помочь

³ Здесь не учитываются небольшие антитеррористические операции за рубежом, поскольку они ведутся в ограниченных масштабах уже много лет.

остановить такую эскалацию до того, как Россия прибегнет к военным инструментам.

С другой стороны, логика действий России означает, что потенциал непреднамеренного конфликта между Россией и НАТО довольно велик и, скорее всего, будет нарастать. Мы уже сейчас находимся в разгаре процесса силового убеждения НАТО Россией в Балтийском регионе. Пока что российские попытки понуждения не принесли желаемого результата, вызвав сопротивление вместо ожидавшихся в Москве уступок. В ответ на российские попытки поднять ставки в силовой игре НАТО нарастило присутствие своих сил в регионе на ротационной основе, увеличило интенсивность патрулирования воздушного пространства над Балтикой и т.д. Помимо демонстративно рискованных маневров своих самолетов и кораблей, Россия также начала увеличивать численность войск, развернутых в своем Западном военном округе, а также развивать там новую военную инфраструктуру. В рамках логики, которую мы усматриваем в российских шагах, Москва вполне может предпринять новые меры, призванные вынудить НАТО изменить свое поведение.

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2016. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org